

«Жить в палатке с оленеводами стало тяжело»

Окончание. Начало на стр. 1

— Много вы сняли?

— Процентов сорок. Мы бы сняли больше, но было зверски холодно, и жить в палатке рядом с оленеводами стало очень тяжело.

— А если бы снимали в более теплом климате, успели бы?

— Думаю, что да. На морозе почему-то креативность снижается. Выжить можно, а творческая жилка очень слаба. Как мы ни помогали себе спиртом, котелки не варили. Почему немцы летом выигрывали, а зимой проигрывали? Причина называется «генерал Мороз». Но не в том только дело, что смазка у их танков застыла и шестеренки не крутились, а еще и в том, что немецкие мозги в такую зиму шевелились еще хуже, чем русские.

— Зимой холодно и в Питере. Сказывается ли это на творческих жилах участников вашего ноябрьского кинофестиваля, где вы собираете странные фильмы, не вписывающиеся в мейнстрим?

— Это фестиваль для авторов, а им у нас очень жарко. Ведь мы занимаемся их перевоспитанием.

— Да ну?

— Ну да. Выясняем их позицию, насколько она искренняя, и открываем новые перспективы в борьбе за гармоничную личность.

— Борьба с правилами или без?

— Рукоприкладство и мордобой допускаются. Задача состоит в том, чтобы с помощью разного рода воздействий вернуть автору истинное лицо. Ради такой чистой цели все средства хороши.

— Чистая цель оправдывает только мощные средства. И что же, все участники наваливаются на одного и бьют его, пока он не обретет собственное лицо?

— Пафос фестиваля именно в том и заключается, что человек должен выглядеть как можно более естественно. То есть отвечать своему проекту. Главная проблема — понять, для чего человек рожден. Это массовая психотерапия.

— А если в человеке никакой проект не заложен?

— Когда копнешь поглубже, у людей обнаруживаются естественные позы к творчеству. И все люди в некоем состоянии поэтически организованы. Даже критики. Ведь столько критиков пытаются снимать кино. Просто поветрие какое-то. Жажда совершенствования.

— Каким же образом коллектив или группа людей может помочь человеку

обрести соответствие своему внутреннему проекту? Разве они лучше об этом знают, чем он сам?

— А это чудо. Чудо коллективного бессознательного.

— «Природный» человек мало чем отличается от животного. Может, надо, наоборот, приближать человека к цивилизации и культуре?

— Цивилизация и культура — разные вещи. Символ фестиваля — обнаженный человек под зонтиком, укрывающийся от дождя.

Зонтик — культура, дождь — цивилизация. Культура является прикрытием от цивилизации. А вопрос о том, насколько человек является животным, зависит от его личного выбора. Без зонтика культуры он будет уничтожен дождем цивилизации.

— А где же на вашем рисунке место природе? Может быть, дождь — это природа, а зонтик — цивилизация?

— В любом случае человек, если рассмотреть его проект, создан по образу и подобию божьему. То есть он тоже созидатель. Всомогущество человека может быть невероятным, просто мы об этом не подозреваем. Поэтически чувствующий человек, как Икар, осознающий в себе огромные силы. Но, чтобы привести человека в творческое состояние, требуется атака на стереотипы, на коросту, которой покрыт этот несчастный.

— Что же чувствуют люди, прошедшие через горнило фестиваля и хлебнувшие чистых грез?

— Как правило, глубокую благодарность ко мне. На самом деле я думаю, что у них появляется знание, что не все в мире продается и покупается. Я имею в виду за большие деньги. Есть и то, что можно купить и продать за небольшие суммы. Например, малобюджетные фильмы.

— Какова, по-вашему, роль дебоша в искусстве?

— Искусство — это преображенное поэтическое размышление о реальности. Дебош и в искусстве, и в реальности преследует одну цель — начать говорить. Через провокацию начинается разговор. Дебош — это незамутненная реакция, как цензурная брань. Она, в свою очередь, тоже вызывает реакцию, и люди, которые используют дебош в искусстве, планируют вызвать эту реакцию. Дебош — проявление кризиса человеческих отношений. Это акт отчаяния, крик страждущего в пустыне. Действие человека, который действительно хочет пить.

— Дебош в искусстве отличается от дебоша в жизни?

— Дебош в искусстве прикрывается индугенцией, заработной теми жертвами, которые понесли художники предыдущих поколений, особенно XIX века. После этого возникло представление, что художник имеет право на дебош, и в данное время это беззащитно используется. Дебош хорошо продается в виде перформансов. Дебош в искусстве безнаказан. А в действительности дебошир сталкивается с правоохранительными органами, которые часто путают искусство с действительностью. Помните рассказ Шукшина «Обида», где мужика не пустили в больницу к матери, и он задебоширил? У него был срыв. Дебош — это русская национальная тема. Она сакральная, как юродство. Я к дебошу отношусь с уважением, потому что это очень рискованное занятие.

— Проза Шукшина сыграла какую-то роль в вашей жизни?

— Она многое во мне объясняет. И не только во мне.

— Можно ли определить ваше амплуа шукшинским словом «чудик»?

— Да, если говорить об абсолютной жажде справедливости. За этим многое стоит. Общациональное. И абсолютно бессмысленное. Единственная страна, которая занимается бессмысленными делами — Россия. Ведь если взять, например, постройку Советского Союза или жажду мировой революции, — все это вполне бескорыстно и вполне бессмысленно.

— Иными словами, революция — дебош в масштабах страны, а мировая революция — дебош в мировом масштабе?

— Да, естественно. Это нужно признать и с этим жить, причем жить счастливо.

— Я впервые увидел вас в фильме «АССА» и с тех пор запомнил. Это была ваша вторая роль в кино?

— Да. Первым был «чудик» из более раннего фильма Соловьева «Чужая белая и рябой». Кстати, он меня заметил во ВГИКе в этюде, который мы делали по Шукшину. Так что Шукшин действительно сыграл роль в моей жизни.

— Но слава пришла к вам после «АССЫ»?

— Я бы сказал, прогнозируемая слава. Она не открыла мне глаза на себя. В сущности, я сыграл юридивого. Это было проще, чем играть Шукшина. Мне казалось, что трагедия моего героя в том, что он действительно хотел быть космонавтом, но ему не дали. И он придумал себе легенду и поверил в нее.

— Когда вас принимают за ваших ге-

Александр БАШИРОВ родился 24 сентября 1955 года в деревне Согом Ханты-Мансийского автономного округа. В 1972 году приехал в Ленинград, где в ПТУ овладел специальностью плиточника-облицовщика. В 1989 году окончил режиссерский факультет ВГИКа. Известность получил благодаря участию в фильмах «Асса» (1987), «Игла» (1988), «Кома» (1989), «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви» (1989), «Дом под звездным небом» (1991). После института уехал вместе с женой-американкой в США, где занимался повышением актерского мастерства в Нью-Йорке. Через несколько лет вернулся в Россию. В 1996 году в Петербурге организовал студию «Дебошир-фильм», где в качестве режиссера снял фильм «Железная пята олигархии» по мотивам романа Джека Лондона. Участвовал в проектах Сергея Курехина. Вместе с лидером группы Tequilajazzz Евгением Федоровым работает с финской авангардистской рок-группой Cleaning Women.

роев, а это, наверно, случается часто, вы поддерживаете эту иллюзию?

— Зрители редко общаются со мной как с человеком, больше как с персонажем. И это общение обычно недолгое. Поэтому мне проще на это время вернуться в прошлое, когда я не был персонажем, а просто жил.

— Почему вы, будучи культурным человеком, обычно играете нечто противоположное?

— Это не мой выбор. Это такой режиссерский штамп. Но вот Хотиненко недавно случайно взял меня на роль генерала Корнилова. По-моему, достойное соответствие...